

СОДЕРЖАНИЕ

Филипп С. Хикс. Предисловие	7
Введение	10

ПРИРОДА СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

Серийный убийца среди нас	18
Фазы состояния серийного убийцы	32
Болезнь серийного убийства	48
Серийные убийцы сегодня	63
Анатомия серийного преступления: убийца, жертвы и общество	76
Полиция и серийный убийца	96

ГОВОРЯТ СЕРИЙНЫЕ УБИЙЦЫ

Пять историй жизни и преступлений	124
Генри Ли Люкас	136
Карлтон Гэри	159
Бобби Джо Лонг	168
Леонард Лейк	184
Чарльз Мэнсон, лидер группы, или «семья», серийных убийц	195

ОБЩИЕ МОДЕЛИ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

Новые криминологи	213
В голове серийного убийцы	243
Профиль серийного убийцы	264
Поведение, основанное на соблюдении ритуала	272
Маска психической нормальности	277
Навязчивость	284

Обращение за помощью. Упущенные возможности вмешательства	287
Сильные расстройства памяти и хроническая неспособность говорить правду. Социопатическое поведение	290
Суицидальные наклонности	293
Серьезные правонарушения в прошлом	294
Отклонения в сексуальном поведении и гиперсексуальность	295
Черепно-мозговые или родовые травмы головы	295
Хронический алкоголизм или наркомания в анамнезе	297
Родители — алкоголики или наркоманы	298
Испытанная в детстве физическая или эмоциональная жестокость, родительская жестокость	299
Рождение в результате нежеланной беременности	300
Рождение после осложненной беременности	301
Отсутствие счастливого детства	302
Чрезвычайная жестокость к животным	303
Склонности к поджогам без очевидного интереса к убийствам	304
Симптомы нервных расстройств	304
Признаки генетических нарушений	306
Биохимические симптомы	307
Чувство бессилия или неадекватности	307
Заключение	310

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга перенесет вас в странный и искаженный мир серийного убийцы. Серийные убийцы встречаются относительно редко. Они воплощают одну из самых мрачных сторон человеческой природы, сочетая наиболее примитивные и извращенные формы сексуальности с яркой агрессивностью. Соединение этих черт толкает их на криминальное поведение. Крайняя степень извращенности неизбежно наводит ужас и в то же время вызывает интерес. Захватывающее повествование Джоэла Норриса раскрывает суть такой личности и выявляет причины, способствующие формированию синдрома серийного убийцы.

Сегодня, когда Америку захлестнула волна насилия, сказывающаяся на всех сторонах жизни общества, книга Норриса особенно актуальна. За редким исключением, мы откликаемся на рост жестокости сугубо по-американски — призываем на помощь «закон и порядок», требуем более суровых приговоров для преступников и ведем борьбу за расширение применения смертной казни. Наши тюрьмы и колонии переполнены, несмотря на то что их строится все больше и больше. Мы начисто отказались от идеи реабилитации правонарушителей. Места заключения — это, по сути, склады для отходов общества, обучение и профессиональная ориентация, осуществляемые в них, — чисто символические. Показатель рецидивизма высок и не обнаруживает тенденции к снижению. Стоимость строительства и содержания мест лишения свободы дошла до такого уровня, что налогоплательщикам впору заняться поиском альтернативных путей решения проблемы наказаний за совершение преступлений. Наш обычный подход «с глаз долой — из сердца вон» обходит-

ся слишком дорого. В своей книге доктор Норрис весьма красноречиво показывает, что криминальное поведение — явление отнюдь не простое. Это исключительно сложная «заключительная стадия развития», в которой находят выход нарушения биологического, психологического и социального аспектов индивидуума. Я полностью согласен с доктором Норрисом, рассматривающим серийных убийц в контексте медицинских проблем.

Однако, в отличие от других областей здравоохранения, на исследование этой проблемы — проблемы причин и профилактики серийных убийств — не отпускается средств. К сожалению, в научной среде криминология считается малопрестижной. Многие специалисты, которые могли бы работать с преступниками, испытывают нерешительность. Одни говорят, что опасаются стать жертвами злой воли, иные, может быть, более откровенные, оправдывают свое нежелание тем, что их тесное общение с преступниками пугает близких. Как свидетельствует статистика, в психиатрических лечебных заведениях риск нападения на врача со стороны больных куда выше, нежели в местах заключения. Психиатры, как и я работающие в психиатрических пенитенциарных учреждениях, сталкиваются с интереснейшими примерами психопатологии. Мы наблюдаем у своих пациентов-заключенных сложное, но вполне доступное пониманию взаимодействие врожденного и приобретенного, природы и воспитания. Значительную часть наших пациентов составляют люди с личностными нарушениями, с настоящими пороками развития, с чертами характера, в которых можно проследить влияние наследственности и среды. У большинства из них просматривается связь совершенных преступлений с употреблением алкоголя или наркотиков, иногда наблюдаются органические поражения головного мозга. В последней группе многим из преступников никогда не ставился диагноз, хотя они и проходили медицинское обследование перед судом или во время отбывания наказания.

В этой группе у значительной части убийц были выявлены нарушения неврологического типа, тесно связанные с совершенными ими преступлениями. Как показывает мой опыт, патология головного мозга у заключенных чаще всего не диагностируется, хотя ее роль в криминальном поведении важнее, чем мы привыкли считать. Внимательный подход доктора Норриса к этой области заслуживает всяческой поддержки.

Для меня чтение «Серийных убийц» стало настоящими «именинами сердца». В этом исследовании автор показал те черты характера серийного убийцы, которые обуславливают его трагическую уникальность, и поделился с нами своими важными наблюдениями и открытиями. Если выводы доктора Норриса помогут общественности осознать необходимость изучения и лечения криминального поведения, данная книга, сочетающая информативность с увлекательностью, приобретет поистине неоценимое значение.

*Филипп С. Хикс, доктор медицины,
главный психиатр тюрьмы штата Калифорния,
Сан-Квентин, Калифорния*

ВВЕДЕНИЕ

Являясь профессиональным психологом-консультантом, я неоднократно выступал в качестве эксперта со стороны защиты в ходе судебных разбирательств и помогал в составлении апелляций по ряду приговоров, вынесенных убийцам в штате Джорджия (некоторые осужденные были серийными убийцами). Я вел разъяснительную работу с заключенными и служащими охраны Федеральной тюрьмы в Атланте, являлся консультантом по профилактике насилия Университета штата Джорджия, обращался к членам исполнительной власти этого штата с предложениями по проведению реформы пенитенциарной системы для несовершеннолетних. Долгие годы я занимался экспертизой по уголовным делам. В исправительных учреждениях, в практической и научной психиатрии я много раз наблюдал взаимное непонимание, возникающее между наиболее жестокими преступниками и теми, кто в силу профессиональных обязанностей должен понимать и контролировать их. Я был поражен этим фактом. Как могли люди, отвечающие за самый жестокий контингент нашего общества, призванные держать его под контролем, совершенно не понимать тех, за кого несут ответственность? Найти ответ оказалось непросто. В конце концов, после нескольких лет напряженной работы я взял годовой отпуск, чтобы привести в порядок мысли, распределить свои силы и заняться исследованием интересующих меня проблем. Плодом этих исследований является настоящая книга.

Непонимание между теми, кто совершает акты жестокости и насилия, и теми, кто должен расследовать преступление, найти виновных и содержать их под стражей, проявляется по-разному. Во-первых, правоохранитель-

ная система не заботится о выяснении мотивов действий убийц. Не занимаясь профилактикой преступлений, она ограничивается лишь наказаниями. Расследования по делам серийных убийц, в которых мне пришлось участвовать, были направлены главным образом на то, чтобы утолить справедливый, хотя и не всегда точно направленный, гнев общественности. Значение имели стиль, личность, харизма, энергия, побудительные мотивы, финансовое и социальное положение сторон, участвующих в судебном процессе, ход разбирательства и настойчивое вмешательство средств массовой информации. Техническая сторона юридических вопросов, судебные прецеденты, нормы права, действующие в штате, наиболее выгодные для защиты и обвинения, заслоняли собой психиатрический аспект в мотивации преступников. Суды присяжных были недостаточно осведомлены о сложных механизмах, действующих в расстроенной психике серийных убийц. Попросту говоря, в зале заседаний не находилось места для всех улик и свидетельских показаний, и рассматривались лишь те из них, которые лежали на поверхности.

Во время работы в университете штата Джорджия, где я занимался подготовкой академических программ по изучению профилактики насилия и отдельных форм психических заболеваний, мне представилась возможность обсудить некоторые свои наблюдения с учеными и преподавателями, работающими в разных областях. Они должны были определять политику исследований, разрабатывать проекты профессиональной подготовки в университетах и государственных учреждениях. В их задачу входило выбирать группы населения в качестве объекта исследований и тщательнейшим образом изучать феномен насилия. Однако почти никто из них в действительности ни разу не посетил тюрьму и не поговорил с преступником с глазу на глаз. Мои душераздирающие рассказы производили на собеседников ошеломляющее впечатление, и они были готовы часами обсуждать случаи множественных и

особо жестоких убийств, теоретизируя на тему о вероятных мотивах преступлений. К сожалению, их природная любознательность и почти интуитивное понимание контингента заключенных не выходили за пределы научной среды и не принимали форм общественной деятельности. Сформулировать на основе интуиции теорию осуждения убийц, представить преступника с нарушенным поведением элитарной академической группе, предложить использовать приговоренных к казни убийц в качестве объектов для исследования при подготовке специалистов казалось им опасным. Ученые боялись, что подобный поступок обернется угрозой их будущему, пагубно отразится как на личной карьере, так и на программе исследований, над которой они работали или хотели бы работать. В результате те, кому в первую очередь следовало бы представлять профессиональную информацию в суде и освещать истинные причины серийных убийств или других эпизодических жестоких преступлений, слишком пеклись о своей репутации и не желали вникать в суть проблемы.

В то же время широкая общественность была охвачена возмущением по поводу усиления незащищенности человека перед насилием. Люди хотели надежной защиты своей неприкосновенности, жаждали торжества справедливости в залах суда. В то же время средства массовой информации делали из серийных убийц своего рода суперменов, и вопросы профилактики и наказуемости преступлений терялись среди призывов к возмездию и искуплению. Вполне понятно нежелание политиков и ученых разрабатывать исследовательские программы, которые воспринимались бы как «цацканье с убийцами».

Сталкиваясь с очередным серийным убийцей, я понимал: в обществе растет число нездоровых индивидуумов, хотя и не имеющих очевидных недугов. В массе пойманные преступники выглядели изнуренными, переутомленными, но спокойными, словно недавно пережили внутреннее потрясение. В одиночных камерах за решеткой убийцы

казались вполне индифферентными — и перед судом, где решался вопрос об их жизни и смерти, и отбывая пожизненное заключение, и ожидая исполнения смертного приговора. Они, несомненно, были физически и психически ущербны, одни — в большей, другие — в меньшей степени. Почти все имели на теле шрамы, следы ушибов или множественных ранений в области головы или шеи. У них были ожоги, следы от постоянных аварий, драк, поножовщины и перестрелок. Многие в детском возрасте получили травмы в семье. Все убийцы говорили, что мечтают о свободе, но, по-видимому, чувствовали себя в заключении как дома. Не раз после особенно напряженного допроса приставленный к преступнику охранник по-отцовски обнимал его и, прощая в камеру, говорил: «Ладно, сынок, пошли домой».

Почти все убийцы, которых я встречал, были рецидивистами, а некоторые — серийными убийцами. Они говорили о том, насколько унижительна жизнь в тюрьме, но в то же время старались приспособиться к этой жизни, собираясь провести здесь остаток лет. Меня удивлял тот факт, что разумные люди снова и снова совершают поступки, обрекающие их на тюремное заключение. Может быть, делая выбор, они не имели свободы воли? Один такой убийца сказал мне: «Как только я выхожу из тюрьмы и вдыхаю воздух свободы, я становлюсь похож на попугая, выпущенного из клетки, срываюсь с тормозов и делаю то, за что вновь попадаю в клетку».

Некоторые из убийц страдали психопатиями, но лишь немногие признавались невменяемыми, подвергаясь тестированию, известному как правила Макнатена*, которые ис-

---

* Юридический прецедент обеспечения защиты психически больных, утвержденный в Британской палате лордов в 1843 г. Правило гласит: человек не должен быть признан ответственным за преступление, если он действовал, будучи неспособным к рассуждению в результате психической болезни, и не мог осознавать характера и качества своих действий или если осознавал, то не знал, что этого делать нельзя (*здесь и далее — прим. ред.*).

пользуются для определения, в состоянии ли испытуемый различать добро и зло. Правила Макнатена пришли в Америку из Англии в начале XIX века. Они основаны на утверждении, что если человек способен различать добро и зло и предвидеть последствия своего поведения, он не является невменяемым. Эти правила — краеугольный камень официального определения вменяемости, и в нашей стране они служат основой всех гипотез и теорий, касающихся насилия. Меня беспокоит то, что в наиболее прогрессивном обществе XX века, когда наука и медицина совершили столько открытий, мы продолжаем полагаться на абсолютно некорректное определение человеческого поведения. Основывать официальное определение вменяемости на правилах Макнатена — все равно, что применять медицинские методы прошлого столетия в лечении рака или СПИДа.

Я также заметил, что средства массовой информации интересовались не столько жестокими преступниками вообще, сколько суперубийцами, такими как Джин Харрис, Чарльз Мэнсон или Тед Банди, либо историями убийств, где герою-преступнику удалось бежать, либо случаями, где детективу или жертве чудом удалось избежать смерти. Поскольку я жил в Джорджии, где хорошо помнили атлантские убийства детей, я занялся исследованием обстоятельств этого дела и личности осужденного убийцы Уэйна Уильямса. К моему удивлению, обнаружилось еще шесть случаев серийных убийств в Джорджии, имевших место в тот же четырехлетний период, что и трагедия в Атланте. Получалось, что синдром серийного убийства не является недугом одной Джорджии, а существует по всей стране. Первоначально я решил сосредоточить свое внимание на наиболее жестокой группе во всем спектре насилия, поразившего американское общество, — на серийных убийцах. В январе 1984 года ФБР объявило о том, что Америка охвачена эпидемией серийных убийств. Это совпало с моими наблюдениями, и я пришел к выводу, что серийное убийство и другие формы эпизодической

агрессии — по сути, заболевание, которое следует диагностировать и локализовать, пока оно не захлестнуло наше общество. В августе 1984 года я опубликовал свою первую статью на эту тему в журнале «Лайф».

В последующие два года мне выпала возможность беседовать с глазу на глаз с несколькими обвиняемыми и осужденными серийными убийцами, познакомиться с их историями. Моя одиссея началась с родного города, и в конце концов я стал консультантом защиты по делу о Чулочном душителе города Колумбуса в штате Джорджия — осужденном убийце пожилых женщин, орудовавшем в районе, где прошло мое детство. Я видел Теда Банди и опрашивал Бобби Джо Лонга во флоридском отделении для смертников, разговаривал с Генри Люкасом в Джорджтауне, штат Техас. Я так часто молился, стоя на коленях, в камере Люкаса вместе с ним и его духовной покровительницей, сестрой Клементиной, что это стало для меня таким же привычным делом, как и выслушивание его первых признаний, насквозь проникнутых напыщенностью, и «перепевания» отредактированных рассказов о преступлениях — годом позднее.

В тюрьме Фарвью в Восточной Пенсильвании я интервьюировал Джозефа Каллингера и работал с его биографом Флорой Шрайбер, автором книг «Сибил» и «Сапожник». Мне довелось стать свидетелем того, как между Шрайбер и Каллингером образовалась уникальная связь, хотя они и происходили из разных кругов и вели совершенно разный образ жизни. Последним из убийц, с которым я беседовал, был Чарльз Мэнсон. Я также общался с родственниками жертв преступлений, включая Дорис Тейт, мать Шэрон Тейт, Роуз Элис и Чарльза Тейер, супругов Фентонов, чья дочь была изнасилована и убита Гэри Шефером в Спрингфилде, штат Вермонт. Переживая вместе с ними боль утраты, наблюдая тяжелейшие последствия полученной психологической и эмоциональной травмы, я сделал важный шаг к пониманию масштабов воздействия серийных убийц на наше общество. Поз-

же, в Квантико, в Виргинии, мне встретились суперагенты Отдела ФБР по медицинскому исследованию поведения, которые поразили меня своей беззаветной преданностью делу и высочайшим мастерством составления профиля убийцы, модели, характерной для ряда преступлений, что позволяло им добиваться успеха в расследованиях. Но, к сожалению, они совершенно не понимали всей пользы моделей для специалистов других областей и не видели ценности своих изысканий в профилактике серийных убийств. И хотя истории таких преступлений различны, в них присутствовали практически идентичные эпизоды: родительская жестокость, насилие, унижение, неспособность к учебе, употребление алкоголя или наркотиков. Теперь, спустя четыре года, собрав более пятисот интервью, проведя много часов в библиотеках и у телефона, накопив обширные сведения о чертах характера и биографиях серийных убийц, я обнародую полученные мной результаты в книге «Серийные убийцы». Неподдельный интерес со стороны тех, с кем мне довелось сталкиваться в ходе своего исследования, позволяет надеяться, что эта книга привлечет внимание к проблеме и будет способствовать продолжению ее изучения другими специалистами. Ученые-медики, сами серийные убийцы, семьи жертв, обвинение и защита предоставили мне столько информации, сколько невозможно включить в одну книгу.

То, что вам предстоит прочитать, приведет в ужас, опечалит, вызовет у вас отвращение, а иногда — и гнев. Это не биография убийцы и не просто документальное описание синдрома серийного насильника. Это исследование заболевания, которое развивается в нашем обществе, угрожая поразить всю сеть исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников, уголовно-правовую систему и пенитенциарные учреждения для взрослых. Вы сами убедитесь: в книге, как в зеркале, отражается тонкая грань, отделяющая нас от скатывания к первобытному, инстинктивному, животному поведению,

которое таится за стеной психологического самоконтроля и социальных норм. Если условия в обществе станут напряженнее и усугубится разрушение социальных норм, может пасть последняя преграда, отделяющая нас от катастрофы. Поэтому главный хирург США назвал бытовое и социальное насилие одним из важнейших факторов риска для будущего общества. Пока наше отношение к насилию, и особенно к серийному убийству, основывается на принципе «око за око», на личном возмездии, показатели численности таких преступлений будут резко увеличиваться от десятилетия к десятилетию.

ПРИРОДА СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

Серийный убийца среди нас

Вначале тревога охватила Виннтон, один из районов Колумбуса, штат Джорджия. Дело было осенью 1977 года. Стояла необычная для этой поры жара. Ферн Джексон, вдова шестидесяти лет, известная в городе представительница высокопоставленного семейства, преподавательница общественного здравоохранения в школах города (с давних пор она жила одна в самом изысканном предместье), была обнаружена мертвой в собственной спальне. На лице и голове убитой виднелись следы жестоких побоев. Женщина подверглась сексуальному насилию, после чего была задушена собственным нейлоновым чулком, который полиция нашла туго завязанным на шее жертвы. Убийца прикрыл полунагое окровавленное тело одеялом. Детективы и эксперты-криминалисты установили: преступник вошел в дом через заднюю стеклянную дверь, застал миссис Джексон врасплох в спальне и избивал до тех пор, пока она не перестала оказывать сопротивления, затем затянул на шее чулок, изнасиловал несчастную, после чего задушил. Потом убийца, взяв ключи миссис Джексон, уехал на ее машине, которую бросил в Хайтсе, негритянском районе города, отделяющем Виннтон от центра и реки Чаттахучи. Это было жестокое и отвратительное преступление. Сообщение о нем в обзоре новостей прозвучало тревожно, как летний гром. Это произошло 16 сентября.

В воскресенье, 24 сентября, Джин Дайменстайн, одинокая женщина семидесяти одного года, была найдена мертвой жестоко избитой, изнасилованной и задушенной чулком в своей спальне всего в четырех кварталах от дома

Ферн Джексон. Преступник угнал ее автомобиль, доехал на нем до Карвер-Хайтса и бросил в ста ярдах от того места, где четырьмя днями раньше полиция нашла машину миссис Джексон.

В уютном ухоженном белокаменном пригороде даже одно убийство было весьма непривычным трагическим событием. Излишне говорить, что два убийства, совершенных с разрывом в пару дней, два преступления, в результате которых были задушены жившие уединенно престарелые дамы, всколыхнули весь Колумбус. Жителям города и прежде приходилось видеть в вечерних выпусках теленовостей репортажи о подобных зверствах, совершающихся в других местах. Они слышали о Ричарде Спекке, убивавшем девушек-сокурсниц, знали о непрекращающихся случаях гибели молодых женщин поблизости от Сиэтла, о волне убийств и изнасилований, ставших визитной карточкой таких городов, как Атланта, Лос-Анджелес и Нью-Йорк. А теперь подобные происшествия происходят в их тихом Колумбусе!

Под нажимом общественности полиция поспешила арестовать Джерома «Дака» Лайваса, умственно отсталого, весьма удобного подозреваемого, и вскоре объявила, что преступник сознался в злодеяниях. Только обитатели Виннтонна чуть-чуть расслабились, как Флоренс Шибел, прикованную к инвалидной коляске, слепую, восьмидесяти девяти лет, нашли задушенной в своей спальне. Подобно другим жертвам, это была белая женщина. Престарелая дама тоже жила одна. Преступник проник в дом, избил ее, изнасиловал, задушил чулком, а перед уходом прикрыл тело.

Еще через четыре дня мертвой в своей спальне обнаружили шестидесятидевятилетнюю Марту Термонд, также изнасилованную и задушенную. По иронии судьбы, после смерти Шибел она установила у себя в доме новый, более надежный засов, но в роковой час он оказался не заперт, и убийца без труда вошел в дом. Однако на этот раз